

Год изд. 3-й

Кн. V.

9/
ЭТНОГРАФИЯ

ЭТНОГРАФИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

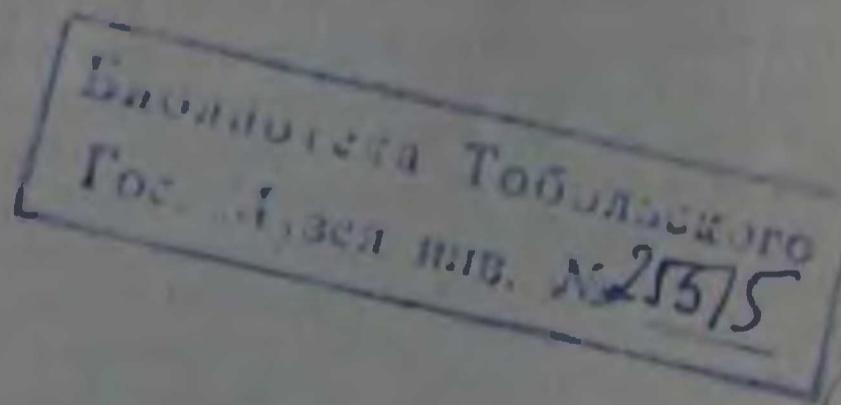
Проф. В. Г. БОГОРАЗА-ТАНА, проф. Д. А. ЗОЛОТАРЕВА,
акад. С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА и проф. Б. М. СОКОЛОВА

Ответственный редактор акад. С. Ф. Ольденбург

Отв. секр. проф. Б. М. Соколов

1 9 2 8

№ 1

СИСТЕМЫ РОДСТВА У УГРО-ФИНСКИХ НАРОДНОСТЕЙ¹⁾.

М. Маркелов (Москва).

I

В русской этнографической литературе сравнительного изучения родства у угро-финских народностей еще не предпринималось. Более того, насколько мне известно, попытки в этой области не было и со стороны финляндских и венгерских ученых, так обогативших финнологию в других отраслях. Последнее обстоятельство особенно странно потому, что вопросы социальной жизни далекого прошлого финских народностей живо дебатируются в Финляндии в другой связи — в связи с работами финнологов в области выявления элементов культуры, общих всем угро-финским народностям. Блестящие результаты этой работы в области, например, угро-финского языкоznания, или конкретной этнографии финских народностей, к сожалению, не отразились еще на изучении проблемы истории семьи и связанного с ней вопроса о родственной организации у угро-финских народов. Мы не имеем пока в этой области не только исследований, но и даже систематически собранных материалов, по которым можно было бы приступить к разрешению этих проблем. В пределах изучения родства у наших народностей в литературе мы имеем дело лишь с теми отрывочными данными, случайными заметками и аналогиями, которые вкраплены в те или иные монографии по отдельным угро-финским народностям. Работы, в которой отдельно ставился бы вопрос об изучении системы родства, тоже еще нет. Те отдельные описания, которые в том или ином виде сохранили нам фактический материал в виде хотя бы родственной номенклатуры, впервых, чрезвычайно редки, и, во вторых, не всегда возбуждают доверие даже в смысле их фактической добросовестности. Поэтому приступающего к работе самый процесс собирания материала способен скорее раздражать, чем удовлетворять — так незначительны крохи этих материалов, разбросанные в довольно большом количестве изданий, по своему заданию далеко отстоящих от специального изучения вопросов родства. Литературу, которая со всеми этими оговорками, послужила источником при собирании этих отрывочных данных и которая так или иначе ставила отдельными

1) Работа была читана на заседании Этнологической секции ин-та История Рес. ассоц. науч. всл. ин-тов об. наук осенью 1927 г.

частями вопросы социальной жизни угро-финнов, можно разделить на три категории.

1. Литература монографическая, изучающая отдельные угро-финские народности и попутно касающаяся вопросов родства у этих народностей. Эта категория наиболее обширна. Из нее можно использовать следующие книги.

Дам пока перечень:

1. И. Н. Смирнов — „Мордва“, 1892/94 г. (Изд. О-ва арх. ист. и этн.); „Черемисы“, Каз., 1889 г.; „Вотяки“, Каз., 1890 г.
2. В. А. Максимов — „Вотяки“, изд. „Удакнига“, Ижевск, 1925 г.
3. S. Patkanov — Die Irtysch-Ostjaken, I — II, St.-Pet., 1897 — 1900 г.г.
4. Н. Харузин — „Русские лопари“, Изв. О-ва люб. ест., ан. и этн., LXVI, М., 1890 г.
5. Н. Добротворский — „Пермяки“ (Вест. Евр., 1883 г.).
6. С. Кузнецов — „Мордва“, литограф. курс, 1903 г.
7. Рогов Н. — „Материалы для описания быта Пермяков“ (Перм. сборн. II.), 1860 г.
8. С. Кузнецов — „Очерки из быта черемис“, Древ. и нов. Россия, 1879 г., № 5.
9. Мендиаров — О черемисах Уфимской губ. (Э. О. XXII).
10. И. Лепехин — Дневные записки, СПБ, 1795 г.
11. Г. Верещагин — Вотяки Сосновского края, Зап. Рус. геогр. о-ва, XIV, 2, 1886 г.
12. Его же — „Вотяки Сарапульского уезда, Вятск губ.“, там же, XIV, 3, 1889 г.
13. Бехтерев — „Вотяки их истор. и совр. состояние“ (Вестн. Европы, 1888 г., 9).
14. M. Buch — „Die Wotjaken“, Lpz., 1910.
15. Богаевский — Очерк быта Сарапульск. вотяк. (Сборн. материалов по этногр.), издано при Дашков. муз., II, III, 1888 г.
16. Фукс К. — „Поездка из Казани к мордве“ (Журн. Минис. внут. дел., 1839 г.).
17. Фукс А. — „Записки о чувашах и черем.“, Казань, 1840 г.
18. A. G. Schrenk — Reise nach dem Nord-Osten des europäischen Russlands (о самоедах и зырянах).

Чтобы не задерживать внимания на характеристике каждого источника, попробую в двух-трех словах выявить свое отношение ко всей этой литературе в целом, по отношению к тем частям работ, которые дают хотя-бы какой-нибудь материал по теме. В большинстве случаев перед нами монографии по отдельным народностям в целом: таковы работы Смирнова, Кузнецова, M. Buch'a, Бехтерева, S. Patkanov'a, Харузина, Добротворского, В. А. Максимова. В отдельных случаях — монографические очерки по народностям определенных территорий, таковы работы: Богаевского, Верещагина, по вотякам, Мендиарова и С. К. Кузнецова по черемисам. Наконец, некоторые из перечисленных работ

можно отнести к категории сырых материалов, плохо иногда собранных и иногда сильно попорченных авторскими домыслами и комментариями. Таковы работы: И. Лепехина, К. и А. Фукса, Г. Новицкого, Рогова и А. G. Schrenk'a. Первый тип литературы, именно монографии, ценные сами по себе, как почти единственные попытки подвести итоги разбросанным сведениям по народностям, зато наименее цены в смысле изучения родства у данных народностей. В большинстве монографий нужно отметить определенный тенденциозный подход к материалам, а часто и подбор материала в зависимости от тех или иных теоретических умозаключений авторов. Особенно это нужно отнести к монографиям Смирнова, к сожалению, единственным почти по восточным финнам, к работам Кузнецова, а из новых работ — к монографии В. А. Максимова, по вотякам. Работы Смирнова, построенные по одной схеме, в области реконструкции примитивного общественного быта восточных финнов страдают исключительным схематизмом, причем автор в изучении семейного и родственного союза находился под непосредственным влиянием модной тогда теории Моргана о групповом браке. Смирнов совершенно выходит за пределы научной объективности, подбирая материал по номенклатуре родства у финских народностей, стараясь отыскать у них групповые и классовые термины. В этом отношении не всегда приходится доверять материалу, собранному автором, ибо прежде чем собрать и систематизировать материал, автор уже постарался его обесценить подбором значений для родственной терминологии. Мы еще будем иметь возможность привести две-три иллюстрации этой стороне работ Смирнова. Почти так же, если не еще больше, тенденциозны другие монографии, в частности, работа по вотякам В. Максимова, которая отличается от работ Смирнова лишь тем, что она издана в 1926 году. Максимов попробовал реконструировать начала общественности у вотяков и в конце концов не только не вышел за пределы построения Смирнова, но целиком был вынужден согласиться с ним, оперируя чрезвычайно топорно, иногда недурным, личным материалом. К счастью, автор в работе дал небольшую таблицу родственных обозначений, не снабдив ее комментариями; эту таблицу только и можно использовать из всей главы о семейно-родовом быте вотяков. Наиболее объективны и научно вполне удовлетворительны монографии: М. Буха (Buch)—Die Wotjaken на немецком языке, С. Патканова (S. Patkanov)—Die Irtysch-Ostjaken и „Русские лопари“ Харузина. В последней книге мы имеем таблицу родственной номенклатуры по трем погостам лопарей, которая и является единственным материалом по русским лопарям. К сожалению, автор не совсем внимательно отнесся к ее составлению, не отмечая, например, родственные названия по старшинству, а иногда и просто не отмечая очень близких степеней родства или свойства. Так, отсутствуют в его обозначениях термины — „жена“, „муж“, „старшая сестра“, „младшая сестра“, „старший брат“ и пр. VIII глава монографии Патканова в ее первой части:

„Die Ehe und Hochzeit“ дает, к сожалению, только описательный материал, не снабженный какими-нибудь таблицами, хотя довольно подробно трактует о семейной организации и браке угорских остыков. То же необходимо сказать и о работе Буха, которая дает только хорошую сводку — описание свадебных церемоний вотяков. В работе попутно мы еще будем касаться иногда этой литературы, — пока же лишь отметим, что обширная количественно литература по данному вопросу наиболее слаба качественно, так как почти ни в одной из названных работ самостоятельно вопрос о родстве не выдвигается; он в большинстве случаев трактуется в связи с описанием или семейного быта или брачных церемоний.

II. Почти то же самое нужно сказать и о второй категории наших источников — о работах, связывающих вопрос изучения родства с изучением уже исключительно свадебных церемоний финских народностей. Из подобных работ нужно отметить статьи:

1. Ильин М. И. — Свадебные обычай и обряды у вотяков, „Труд. О-во изуч. вот. края“, № 2, 1926 г.

2. Г. Старцев — Некоторые данные о браке и свадьбе остыков. „Материалы по сем. быту народ. СССР“, под ред. Штернберга, Л. 1927 г.

3. Его же — Свадебные притчания зырян, там же.

4. Ахмаров — Свадебные обряды казанских татар (срав. изучение свадебного обряда тюрков и финнов приволжских), „Извест. О-ва арх., истор. и этн. при каз. унив.“, 1904 г.

5. С. Багин — Свадебные обряды и обычай вотяков, Эт. обоз., XXXIII.

6. М. Е. Евсеев — „Мордовская свадьба“, „Жив. стар.“, 2, отд. II, III, 2, от. IV.

7. Он же — „Свадьба у мордвы“, сб. „Красный Татарстан“, Каз., 1925 г., I.

Эти статьи нашего вопроса точно так же касаются только вскользь, делая основной акцент на изучении брачного обряда. Их преимущество по сравнению с первой категорией источников заключается в том, что в большинстве случаев перед нами сырье материалы — описания, и те крохи, которые можно извлечь из этих работ по вопросу о системах родства у угро-финнов, представляют собой наиболее ценный материал. В сравнительной таблице собранных мною родственных обозначений на все эти работы делаются соответствующие ссылки.

III. Наконец, третья категория работ связывает вопросы родства с изучением юридического быта. Из наиболее заметных работ этого типа нужно отметить книгу Майнова: „Очерки юридического быта мордвы“ (СПБ — 1885 г.) и обширную статью П. Ефименко — „Юридические обычай лопарей, карелов и самоедов Архангельской губ.“ (Зап. Рус. геогр. о-ва, VIII, 1878 г.). Обе работы писаны по заданиям Русского географического общества и по программам, выработанным этим Об-вом. Относительно последней работы нужно заме-

тить, что она единственная, которая дает некоторые материалы по семейному быту и родству у карел, и по аккуратности выполнения заслуживает доверия и тот материал, который добросовестно систематизирует автор.

Другие работы по карелам — Чубинского, Михайлова, Верещагина и проч. сильно уступают сводке сырых материалов Ефименко. Что же касается работы Майнова, то ее ценность несомненна в тех частях, где автором издается сырой материал, не подвергающийся его переработке с юридической точки зрения.

Там же, где автор пытается привести в смысловую систему сырой материал, получаются необоснованные выводы. Например, при знании языка невозможно принять осмысления Майновым терминов родства мордвы. Таковы его толкования терминов — „с'ога“ — сын от глагола „с'окадемс“ — быть палкой (существо, которое бьют палкой); обще-арийского — „т'ејт'ег“ — дочь из морд. глагола — „т'еемс“ — делать (существо сделанное); „ал'кај“ — младший брат от прилаг. „алка“ — низкий (родственник занимающ. низшее положение); „сазор“ — младшая сестра от глагола „сасамс“ — достичь — догнать, и т. д. В работе Майнова имеется и запись номенклатуры родства у мордвы, впрочем, чрезвычайно неполная.

Наиболее точный терминологический материал в смысле изучения родственной номенклатуры дают работы лингвистические. В данном отношении мы имеем в виду работы: Золотницкого — „Корневой чув.-русский словарь“, где в качестве параллелей к чувашскому собран порядочный материал и по угро-финским народностям, Szinney — Finnisch-Ugrische Sprachwissenschaft, Budapest, 1924. Веске — „Славяно-финские отношения древности“. К этой же категории можно причислить главу: „Vokabularium der archangelschen Samojeden und Syrängensprache“, из книги Schrenk'a „Reise nach dem Nord-Osten des europäischen Russlands“. В этот сравнительный вокабулярий вошли в частности и обозначения родства у зырян. Последним вплотную подходим к тем фактическим материалам, которые мы непосредственно использовали в нашей работе.

Несколько слов об этих материалах. Строго говоря, мы имеем только две попытки свести материал по системам родства у финских народностей в таблицы. Одна систематизация касается родства восточных черемис и принадлежит Ерусланову, статья которого была напечатана в „Этнографическом обозрении“, и вторая — Моргана, который в своих таблицах по описательным системам родства приводит терминологию по тавастам, венграм и эстам. С некоторой натяжкой к подобного рода попыткам можно, пожалуй, отнести и характеристику родства в вышеуказанной работе Харузина „Русские лопари“. В дальнейшем изложении нам придется мимоходом касаться этих материалов. Пока лишь укажем, что таблицы Моргана по западным финнам, эстам и венграм являются единственными известными мне в литературе. К сожалению, фактическая проверка этих таблиц по словарям обнаружила большую неполноту их, а по-

вии, очевидно, издания в эти таблицы вкрадось громадное количество опечаток. Неполнота этих таблиц идет главным образом по линии того, что Морганом в большинстве случаев приводятся только описательные термины родства, и совсем отсутствуют синонимы этих терминов, которые, как корневые слова, представляют для нас особенную ценность. Вот два примера для ясности. Для обозначения бабки у *suomi* Морган приводит термин только описательный: „*isänaiti*“ — мать отца, и не приводит другого термина „*тиштто*“. Для по отцу у эстов: „*issavend*“ — брат отца (описательн. термин); его Морган приводит, другого термина — „*tödi*“ Морган не приводит. Таких примеров десятка два. Очень вразумительно составлена таблица систем родства у восточных черемис Еруслановым. К сожалению, однако, как мы увидим в дальнейшем, он, учитывая принцип возрастной в черемисской системе родства, не учел других принципов.

То обстоятельство, что по западным финнам и уграм материалы недостаточны, заставило нас обратиться к словарям, которые дали нам фактический материал по номенклатуре родства. Мы пользовались: 1) финско-русским словарем и русско-финским: Рекка Кийапеп'а, 2) немецко-финским словарем К. Калима, 3) эстонско-немецко-русским словарем В. Кийсика, — русско-эстонским, его же, 4) русско-мадьярским словарем издания Военного уч. ком-та глав. штаба 1878 г. и рядом других словарей. Наконец, я должен отметить, что по некоторым народностям я имел возможность получить некоторые личные материалы у ряда лиц, занимающихся этнографией этих народностей; так, по вотякам — у К. И. Герда, по черемисам — у А. П. Аттина, и др. По мордве и черемисам я использовал, кроме того, личные материалы, собранные мною в командировках и экспедициях к этим народностям.

Такова краткая характеристика тех материалов, которые привлечены мною для данной работы. Их бедность и фактическая неполнота являются причиной того, что я не могу смотреть на свою работу как на исчерпывающую в смысле собирания материалов и тем более выводов. Самые материалы, которые приходится пользоваться для такого рода работ и обозрение которых мы попытались сделать, во многих отношениях обусловливают собою те задачи, которые можно поставить себе в изучении родственных отношений и системы родства угро-финнов. Мы уже видели, как несовершенно подходили наблюдатели к этому вопросу, убеждались в скороспелости тех выводов, которые пытались отдельные исследователи делать из некоторого поверхностного анализа некоторых терминов родства у отдельных народностей. Попытки же сравнительного изучения систем родства даже еще не было. В этом отношении, думается, даже желание дать некоторую возможную сводку тех родственных обозначений, которые бытуют у угро-финской семьи народов доселе, может стать вполне законным с научной точки зрения. Систематизировать отрывочные данные, касающиеся родства, собрать воедино беглые заметки отдельных авторов в единую схему, классифицировать материал в аспекте

сравнительного изучения родства и родственных обозначений по группе народностей — это первая задача, которую мы поставили себе в данной работе. Мы видели также, что еще менее благополучно обстоит вопрос там, где авторы пытались дать анализ принципов, лежащих в основе отдельных систем. Мы склонны утверждать, что родственные обозначения, не приведенные в известный аналитический порядок, ограниченный строгим научным методом, представляет собою настолько эластичный материал, что им можно иллюстрировать в отдельных случаях любое положение теоретической этнологии в области доистории общественного развития человечества. В этом отношении достаточно вспомнить те многочисленные дебаты, которые были вызваны классификаторскими системами таблиц Моргана, пытавшегося обосновать теорию „группового брака“. Отдельные отголоски этой теории можно констатировать и в исследованиях русских ученых; в частности лиц, занимающихся изучением финских народностей. Так, например, И. Н. Смирнов одинаково во всех своих монографиях находится, как мы видели, под непосредственным влиянием теории: „коммунального брака“ по отношению к волго-камской группе русских финнов. Родственные обозначения и номенклатуры, взятые в их отдельных частях и даже терминах, в таких работах являются единственным основанием теоретических построений и личной точки зрения авторов.

Отсюда вытекает та вторая задача, которую можно и должно поставить в анализе родства. Выяснить те принципы, которые лежат в основе родственных и свойственных отношений; проанализировать с этой точки зрения родственные обозначения; проследить морфологическую модификацию номенклатуры родства — задача чрезвычайной важности по целому ряду соображений. Нам еще неоднократно придется констатировать трудности, лежащие на этом нетронутом поле исследования. Пока заметим только предварительно, что даже статистическое выявление принципов, лежащих в центре систем родства у угро-финнов, встречает то затруднение, что современная значимость родства у анализируемых народностей концентрируется внутри современной семьи. Термины родства, следовательно, прежде всего, служат знаками отношений, существующих между различными членами семьи или группы семей, породнившихся между собой. Отсюда, как бы естественно, выплывает возможность методологически поставить вопрос об известном эволюционном ряде в развитии родства и его систем. Но поскольку вопрос о родстве так естественно связывается с современной картиной семьи, нам необходимо, очевидно, проследить в процессе изучения и такие элементы родства, которые не делятся без остатка на современную сущность семьи обозреваемых народностей. Однако для динамического изучения угро-финских систем родства мы не имеем фактически ни одного исследования по истории семьи, чтобы так или иначе приурочить хотя бы отдельные элементы родства к той или иной культурно-исторической эпохе развития этой группы народностей. Попытки броситься в самостоятель-

ное плавание в этой области завели бы нас слишком далеко. Дело в том, что почти все исследователи и наблюдатели, начиная со второй половины XIX века определенно констатируют у интересующих нас народностей типичную патриархальную семью, превращающуюся из многочисленной широкой в узкую парную семью. Из приведенной нами выше литературы достаточно сослаться хотя бы на работы С. К. Кузнецова по отношению в Волжской группе восточных финнов, на М. И. Ильина, В. А. Максимова, Н. Добротворского и Рогова по отношению к пермской группе, на Старцева и Патканова по отношению к угорской группе, на Харузина—по отношению к русским лопарям и других, чтобы не осталось никакого сомнения в современной форме развития семейной организации угро-финнов. Все это как бы обязывает нас учесть генетически ту возможную метаморфозу, которую претерпели, очевидно, семейно-родственные отношения и принципы обозначения этих отношений. Вместе с этим заранее можно сказать, что состояние наших материалов может позволить заняться этим только частично. Поэтому задачу выявления эволюции родства я буду считать лишь проблемой, которую необходимо пока поставить. Наконец третья задача вытекает из самого метода обозрения систем родства у данной группы народностей. Сравнительное изучение обозначенений родственных отношений в пределах известной языковой семьи народов заставляет расширить сравнительные рамки до пределов сличения не только морфологического, но и терминологического с таковым же материалом тех народностей, которые исторически наиболее близко участвовали в культурных взаимоотношениях с исследуемой группой. По отношению к волжской группе, а также и угорской таковой культурой я считаю культуру тюрко-татар и великоруссов; по отношению же к западной группе финнов—культуру западных их соседей. Пока я имею возможность в своем сравнении ограничиться только системами родства тюркских народностей. Причем заранее оговариваюсь — я не считаю возможным номенклатуру родства анализировать лингвистически и ограничусь поэтому лишь теми терминологическими аналогиями, которые говорят сами за себя, перенеся центр тяжести самого сравнения на аналогии морфологические, смысловые, касающиеся принципов самих родственных отношений¹⁾.

Два слова о методе изложения и анализе самого материала. Предварительное сведение отрывочных данных о родстве и родственной номенклатуре в таблицы показало, что реально обширный и сложный тип таблиц, выработанный для описательных систем родства Морганом, мало вразумителен в применении к финляндцам, эстам и венграм; большинство столбцов и отдельных графических клеток пустует по одному тому, что сложность родственной терминологии не характерна для финских систем родства. Ни один практический

1) По техническим обстоятельствам глава, анализирующая финские системы родства сравнительно с тюркскими, в данной статье выпущена. Автор.

глоссарий и даже научные словари не дают даже таких обозначений, как „прапрадед“, „прапрабабка“, „праправнук“ и т. д., тем более— таких многоэтажных обозначений вроде: „сын сына сестры моего отца“. Дело в том, что любой термин, специально предназначенный для обозначения того или иного родственного и свойственного отношения можно передать в любом языке описательно, однако это еще далеко не означает реального употребления этого термина. Морган же вместе со своими источниками очевидно ставил знак равенства между описанием родственного отношения и самим отношением. Нам же думается, что отсутствие терминологического обозначения совсем не дает нам права заменять его описательным обозначением, если оно отсутствует в устах, хотя бы одного члена родственной группы в качестве реально необходимого термина. Поэтому целесообразнее исходить в анализе — из тех отношений, которые имеют прежде всего конкретную значимость и сохранили реальные следы этой значимости в виде терминов родства и свойства. Сведенный же в таблицу материал показывает (см. т. № 1), что родство угро-финских народностей концентрируется по прямой линии вокруг поколений дедов, отцов и лица говорящего а также поколения детей и внуков. По боковой линии оно нисходяще идет еще в более узкие границы, обозначая лишь братьев и сестер трех поколений. Естественно, что это объяснимо прежде всего тем обстоятельством, что родственные отношения в настоящее время сохранили наиболее ощутимо свою значимость в пределах той замкнутой единицы, которую представляет собою современная семья. В ней-же реально почти не бывает той нужды, которая заставила бы счет этих поколений уточнить и детализировать обозначения родственных отношений до тонкостей, так необходимых, например, для более широких родственных организаций. Вот почему мы считаем, что метод анализа, примененный А. Н. Максимовым¹⁾ по отношению к австралийским системам родства, может быть вполне использован и при изучении любого типа систем. Мы увидим ниже, что анализ по поколениям финских систем родства не нарушит их смыслового значения и принципиального содержания.

II.

Обращаясь к характеристике родства в пределах старшего поколения дедов и бабок, прежде всего необходимо оговорить то положение, что однообразия у всех финских народностей по отношению даже к количеству терминов мы не найдем. Виной этому является не только недостаточность материала. Даже по тем народностям, по которым материал может быть проверяем несколькими данными, все-таки однообразия нет. Так, по поводу количества терминов для обозначения дедов и бабок можно сказать следующее. Если у во-

¹⁾ А. Н. Максимов, „Австралийские системы родства“.

сточных черемис¹⁾ мы имеем четыре термина: „коса“²⁾, „kuguz'a“ — дед — „сисо-коса“ для деда по отцу, „кувава“, „сисо кувава“ — для бабок; у горн.—три — „сэсэ-т'от'a“ для деда и „рара“ и „сэсэ-рара“ — для бабок. В целях ясности сейчас же можно сказать, что в первом случае эти четыре термина распределяются паритетно — два обозначения для бабок по отцу и матери и два термина для дедов по отцу и по матери же. У горных же черемис сохраняются два обозначения для бабок, но для деда только одно. Термин называет только деда по отцу, хотя, с другой стороны, у горных и луговых черемис имеется еще по одному термину для обозначения деда вообще без приложения его к родству материнскому или к отцовскому. У горных — „т'от'a“, у луг.: „коса“. Что касается значимости самого обозначения дедов и бабок у черемис, то надобно заметить, что во всех случаях, когда термин начинается с префикса: „ко“, „ку“, „куг“, он является слитным из слова: „kugu“ или „kogo“ — большой, почтенный, старый — и самого существительного. Так всюду, где мы имеем: „коса“ — следует читать: „kogo“ (или kugo) + аса (отец) — большой почтенный отец; „куава“ — : „kugu“ + + „ава“ (мать) — большая почтенная мать. Таково содержание большинства черемисских терминов, обозначающих родство в поколении дедов и бабок. Лишь в одном случае у восточных черемис содержание обозначения деда по матери делает некоторый скачек. Приведенное обозначение; „kuguz'a“ равносильно переводу его как: „большой (kugu) старший брат (iz'a)“. Самое значение „kuguz'a“ более распространено в употреблении его для названия дяди — старшего брата отца или матери. В некоторой аналогии с этим находится обозначение: „бабка по матери“ у всех трех черемисских групп, именно: у всех название бабки по матери резко выделяется новым префиксом (иногда соединяемым с прежним: „ку“) „сэсэ“ (гор.), „сисо“ (луг.), „сиси“³⁾. Этот префикс в сложных словах имеет и самостоятельное значение, как одно из родственных обозначений. У всех трех групп этот термин употребляется для обозначения дяди по матери, так что скрещивание этого слова с обозначением бабки дает странное: „дядя по матери — бабка“, или — „дядя по матери — большая мать“. Несмотря, однако, на последнее обстоятельство в обозначении этой группы, родственников, пол членов этого поколения всегда обозначается точно — не путем суффиксов женского рода, так как родовые окончания в финских языках отсутствуют, но самих корней. В черемисских родственных отношениях в обозначении дедов и бабок можно констатировать лишь резко проведенную разницу в названиях деда по отцу и по матери и бабки по отцу и по матери. В данном случае мы

1) По литературной традиции всюду называю мари — черемисами, ко и — зырянами, уд-журтов — вотяками.

2) Всюду пользуюсь транскрипцией, установленной А. А. Шахматовым в „Мордовском сборнике“, 1910 г.

3) У горных и луговых черемис этот префикс применяется и по отношению к дедам по матери.

имеем хотя и производных, но все же четыре термина. Полную аналогию черемисскому обозначению дедов и бабок мы находим у вотяков, у которых сохранились также все четыре термина: „p'eres'ajy“ или „babaj“ для деда по отцу, „čiž-ata“ — для деда по матери: „anaj“ — для бабки по отцу и „čiž-anaj“ — для бабки по матери. Аналогия распространяется до того, что „p'eres“ означает также старый, почтенный, большой, и также родство по матери отличается аналогичной частицей „čiž“. По отношению к вотякам надобно еще прибавить, что у них для обозначения бабки вообще употребляется и еще один термин также с эпитетом „p'eres“ это: „peres'-tityu“ — старая почтенная мать. А. Н. Максимов констатирует в своей работе по австралийским системам родства в качестве аналогии разные обозначения для бабок и дедов по отцу и матери у зырян. Мы, по отношению к зырянам имеем только два термина, касающиеся деда: „p'orys-oj“ аналогичный и однозначущий с вотским, и „udzyd-oj“; термины же, относящиеся к бабкам в нашей таблице отсутствуют. Шренк в своем странительном словаре тоже обошел молчанием эти термины. Совершенно отсутствует материал для характеристики поколения дедов по остякам и vogулам. В отдельную группу в обозначении родственных отношений старшего поколения можно выделить мордву (обе группы), русских лопарей, венгров, эстов и финнов-тавастов. Здесь всюду мы имеем лишь резкую разницу, проведенную между дедом и бабкой безотносительно к генетике родства. В большинстве случаев мы имеем, следовательно, и только два термина. Так у мордвы (эрзи) „rokšt'aj“ — большой отец, в другом говоре „bod'aj“; у мокши: „os'u-al'aj“ — большой отец — термины для обозначения дедов и по отцу и по матери и „babaj“ — у эрзи для обозначения бабушек. У мокши: „os'u d'ed'aj“ — большая мать. У русских лопарей — аналогично — „aj“ для обозначения дедов и „akka“ — „ак“ — для названия бабок. У венгров тоже аналогично эрзянскому: „oeg at'ua“ — дед и „oeg ap'ua“ бабка (большой отец, большая мать). Надобно сказать, что по тому же принципу построено терминологическое значение названия дедов и бабок у эстов и у финнов. Правда, Морган в своих таблицах дал описательное обозначение деда и бабки, вроде: „отец моего отца“, „мать моей матери“, но едва ли не в большем употреблении как у suomi, так и эстов равнозначущие предыдущим термины: так, тавасты наряду с термином, которым я называю деда по отцу: „isän-isa“ очень часто применяют в обращении название „ukkoväri“, а по отношению к бабке: „vanha-nainen“ или — „äjti“ — старая женщина мать; точно так же, как и эсты, называющие деда: „vana-isa“ — старый отец, и бабку: „vanaema“ — старая почтенная мать. В одном отношении, следовательно, почти все народности имеют общее — это в содержании понятия: „дед“ и „бабка“. Для всех одинаково они будут всегда отцом и матерью с эпитетами: „большой“, „почтенный“, „старый“ и пр. К таковым эпитетам нужно отнести: „ki-gó“ (черем.), „p'eres“ (вот.), „p'orys“ (зыр.), „rokš“ и „os'u“ (морд.), „oeg“ (венгер.), „vana“ (эст.) и „vanha“ (suomal.).

К большому сожалению, у нас почти совершенно отсутствует материал для характеристики родственных отношений в поколении дедов между братьями и сестрами по деду и бабке. Не представляется возможным даже ответить на интересный вопрос о названиях братьев и сестер и об отношениях этих обозначений к терминам: „дед“ и „бабка“. Эти обозначения мы имеем только по восточным черемисам, которые называют брата деда: „kuezä-kuguz'a“ и сестру деда: „kuezä-kuaka“. Мы уже видели, что термином „kuguz'a“ называют старшего дядю. Соединение же этого названия с „kuezä“ — точно означает: „главный хозяин [kuezä-kugu (большой) + oz'a — хозяин] — старший дядя“. Однозначное и название сестры деда: „kuezä-kuaka“, „koka“ — название старшей тетки по отцу. Любопытно, что у восточных черемис брат бабки носит то же название, что и дядя по матери, т. е. знакомое нам: „сисо“. У мордвы-эрзи брат деда и брат бабки одинаково называются: „vasyl-bod'aj“ (или d'edaј), т. е. дальний дед, так же как сестры — деда и бабки — называются: „vasyl-babaј“ — дальняя бабушка. У мордвы-мокши Майнов отыскал термин для брата деда, который тождественен названию самого деда: „os'u-al'aj“. В таблицах Моргана по финляндцам приведены любопытные по значению термины для обозначения братьев и сестер дедов и бабок. Им приводятся три термина — один общий для сестер по деду и бабке: „isa-tätini“ и два отдельных термина для брата деда: „isa-satani“ и для брата бабки: „isa enoni“. Последние два термина точно обозначают; в первом случае — „отца моего дяди по отцу“, во втором: „отца моего дяди по матери“. Следовательно, по терминологическому значению: „брать деда“ есть: „отец моего дяди по отцу“, а „брать бабки — отец моего дяди по матери“.

Переходим теперь к характеристике родственных отношений в поколении отцов. Почти у всех анализируемых народностей содержание понятий „отец“ и „мать“ будет однозначным, именно: у эстов, остяков, венгров, зырян, вотяков, черемис и мордвы — значение понятий „отец“ — тождественно понятию „самец“. Таковы термины: „isane, emane“ — самец, самка (эст.), „at'a“, „an'a“ (венг.), „aj“, „in'i“ (зыр.), „ajу“, „тиму“ (вот.), „at'a“, „аса“ — (чер.), „at'aka“, „avaka“ (мордов.). Для обозначения самца и самки отдельные термины имеются только у suomi, где самец будет называться: „koiras“, и самка: „naoras“. Во всех источниках мы имеем только два указания, которые говорят о том, что название отца распространяется и на его брата. В первом случае констатирует это В. Максимов по отношению к вотякам, у которых, якобы, сохранился забытый термин: „agaj“ для обозначения отца и дяди по отцу или брата отца. Однозначущий термин: „al'aj“ для обозначения отца и старшего брата отца приводит Майнов по отношению к мордве-мокше. Во всех же остальных случаях обозначение отца — матери и их братьев и сестер не совпадает. В трех случаях мы имеем совпадение иного рода, именно: у вотяков, восточных черемис и мордвы-эрзи обозначение старшего брата отца тождественно названию деда: у вотяков — деда по отцу: „p'eres' ajу“, у черевено

мис — деда по матери: „kuguz'a". У мордвы совпадение корневое, но с эпитетом „od" — новый, обозначая, следовательно, старшего брата отца или моего старшего дядю понятием: „новый дед" — „od-bod'aj".

Гораздо более устойчивым в поколении отцов, так же как и дедов, является в финских системах родства тот принцип, который проводит разницу между родственниками по отцу и по матери. Почти как правило — брат по матери или мой дядя по матери носит особое название. У черемис, как мы видели, таким названием является слово: „сисо" в различных разновидностях. При этом мы также замечали, что понятие: „ёиёо" прилагалось и к поколению дедов там, где нужно было отметить родство по матери. У тех же восточных черемис я называю дядю — старшего брата отца, как мы видели, „kuguz'a", а младшего просто „iz'a". У вотяков дядя по матери имеет тоже специальное обозначение „p'un'a", тогда как старший брат отца, например, называется: „дедом", „p'eres'-ajу". Также отличают брата матери от брата отца и лопари Нотозерского погоста, где дядя по матери будет: „eap", дядя же по отцу: „ёиёо". Что для нас особенно важно, эта разница существует и у suomi, термин которых „jeno" специально означает дядю по матери, тогда как для дяди по отцу существует термин: „säitä". По отношению к эстам Морган приводит два описательных термина, в одном случае переводимого как „брать моей матери", в другом же, как: „брать моего отца". Что касается венгров и остяков, — наши материалы не дают возможности судить в пределах этого вопроса о чем бы то ни было. Почти то же самое можно сказать и по отношению к обозначениям сестер отца и сестер матери, т. е. моих теток по отцу и матери с той лишь разницей, что у suomi термин: „täti" — означает и тетку по отцу и тетку по матери. Теперь посмотрим, проводят ли финские системы родства в анализируемом поколении разницу между родственниками старшими и младшими? В данном случае, впервых, может смущать в некоторых отношениях тождественность терминологии в разграничении родственников по отцу и по матери с обозначениями старших родственников и младших. Нужно заметить, что те из исследователей, которые пытались по отдельным народностям привести в некоторую систему родственные обозначения, очевидно, именно этим обстоятельством были введены в заблуждение. Так, например, П. Ерусланов, графически систематизируя родство у восточных черемис, совсем не делает попытки отметить принцип обозначения родственников по отцу и матери, зато все ударение делает на разделении родственников по возрастам. Виной этого является то обстоятельство, что иногда совпадают обозначения родственников по матери с тем или иным обозначением по старшинству. Чтобы не осталось сомнений, отметим на примерах, что даже в том случае, когда эти совпадения есть, родство по матери и отцу в любом разряде старшинства в обозначениях все таки отмечается. Так, например: у луговых и восточных черемис для обозначения жены младшего дяди имеется два термина: „сисип'o" и „jenga" — причем первый термин относится к жене младшего дяди по матери, второй же употребляется для обо-

значения жены младшего дяди по отцу. Точно так же и у вотяков: термин „сүз-арај“ обозначает старшую сестру матери, тогда как старшая сестра отца называется просто: „арај“ или „акај“, так что „сүз-арај“ кроме принципа старшинства, независимо от него („арај“ и без того — старшая сестра) удерживает признак материинской линии. В отношении разницы между старшими и младшими родственниками в поколении отцов все системы можно разбить на две категории. К первой относятся обозначения у обеих групп мордвы, у черемисов — горных, луговых и восточных, у вотяков, как казанских, так и вятских, и у зырян. У этих народностей почти во всех случаях отмечают степень старшинства в самих обозначениях родственников. Мы уже видели, что для обозначения некоторых родственников сложная терминология, употребляемая в этих случаях, по своему смысловому значению составлялась из корня и эпитетов: „большой, почтенный, старший“ и пр. Пока вопрос шел о поколении дедов, то эти термины еще могли применяться в переносном значении для выражения почтения. В поколении же отцов имеется и ряд коренных названий родства, которые все-таки употребляются как обозначения, определяющие собой старшинство по сравнению, конечно, с отцом и матерью в этом поколении. Так, у черемис свою тетку старшего отца я называю: „киака“, а тетку моложе отца я называю просто: „ака“. Точно так же у вотяков: племянник называет тетку или старшую сестру своего отца: „арај“, „акај“, а тетку моложе отца он называет: „badzum-арај“, старшую сестру матери я зову: „сүз-арај“, младшую же тоже: „badzum-арај“. У мордвы эрзи: старшего брата своего отца я назову: „новым молодым дедом“ — „од pokštäj“, а младшего брата отца просто своим старшим братом: „Геләј“. Аналогично этому обозначение у мордвы теток: так старшую тетку по отцу я называю: „syr'e patäj“, в отличие от младшей, называемой мною просто: „patäj“, причем в первом случае термин означает „старую — старшую — сестру“, а во втором просто: „тетку“. Принцип старшинства в данном поколении сохраняется и по отношению к женам моих дядей и мужьям моих теток. Именно: вотяк, например, будет звать жену старшего дяди или: „сүз-арај“ (по матери) или просто: „арај“, т. е. также, как своих родных теток, а жену младшего дяди будет называть: „badzum-арај“, т. е. как свою младшую тетку. У черемис мы имеем для этих родственниц, различающихся относительным старшинством своих мужей между собою, также два термина: „kuaka“, или „koka“, старш.: „jenga“ — младш. „kuva“ и „ёэёэ“ или тоже: „jenga“ и т. д. Из общего правила обозначения родственников по старшинству есть, правда, у этих же народностей исключения. Так, например, в одном случае у луговых черемис — дядя — старший брат матери и дядя — младший брат матери называются одинаково: „ёэёэ“.

Совсем иную картину являются в этом отношении обозначения тавастов, эстов, венгров, остяков и лопарей. Впрочем, нужно заранее оговориться, что материалы по этим группам далеко не исчерпывающие, а в некоторых отношениях и совсем недостаточны. По отношению к некоторым источникам нужно подозревать и то, что исследо-

ватели иногда не ставили себе и вопроса о преомлении старшинства в родственных обозначениях. Так, например, этот вопрос совершенно замолчан в такой солидной в своих основных частях работе, как „Русские лопари“ Харузина. Однако и материалы по другим народностям этой группы совсем не отмечают для этого поколения разницу в обозначении старших и младших родственников. Так, у эстов и финляндцев в этом поколении никакого намека на разницу между старшими и младшими родственниками мы не нашли.

Нам остается отметить в заключение характеристики поколения отцов еще два явления. Одно общее для всех систем — это точность обозначения пола. В каждом термине пол дается, как постоянная величина, а не как тот или иной родовой признак. Даже нивелирующего начала в виде взаимных терминов в этом поколении фиксировать не удалось ни по одной народности. Второе явление для поколения отцов можно считать только частичным. Мы уже, кажется, говорили о том, что у вотяков и черемис жены старшего дяди и младшего, а также мужья моих теток будут называться в первом случае так же, как мои родные тетки, и во втором, как мои родные дяди. Так, у вотяков жена старшего дяди будет называться или: „сиз-арај“, если дядя — брат матери, или „арај“, „акај“, т. е. так же как старшая тетка по отцу или матери. По своему смыслу обозначения черемис и мордвы тождественны. Например, жена младшего дяди у черемис называется или „сисип‘о“, если дядя по матери, или „јенга“ (по отцу), а мы уже видели что у Бирских черемис „сисип‘о“ — это тетки по матери. То же у мордвы. Из всего этого мы пока делаем некоторый гипотетический вывод, который попробуем проверить в дальнейшем. Он будет таковым: есть данные полагать, что у большинства восточных финских народностей нет разницы в родственных обозначениях лиц, состоящих в браке и не состоящих. Например, жены братьев отца по старшинству причисляются к той категории, к которой принадлежат их мужья, называются же как мои родные тетки. Не находимся ли мы при некоторыхrudimentарных остатках групповых терминов типа классификаторских систем родства? Однако продолжим наш анализ, перейдя к обозрению поколения лица говорящего и детей.

По отношению к братьям и сестрам в поколении лица говорящего все системы родства у угро-финских народностей можно объединить по основному типу обозначения братьев и сестер. Здесь мы имеем такое же явление, как, например, у многих австралийских племен во главе с *kurnai*¹⁾, т. е. почти во всех случаях отдельно обозначаются старший брат, младший брат, старшая сестра, младшая сестра. Исключением являются, по данным Харузина, лишь русские лопари и то, может быть, потому, что Харузин не мог специально исследовать этот вопрос. Во всяком случае приведенная им таблица родства лопарей даже и не содержит в себе графы подразделения братьев и сестер на старших и младших. Во всех же остальных случаях системы

¹⁾ А. Н. Максимов, „Австралийские системы родства“.

родства финнов дают совершенно определенно картину различных родственных обозначений сестер и братьев по отношению к лицу говорящему. В большинстве случаев, следовательно, для братьев и сестер мы имеем четыре термина. Восточные черемисы, например, имеют следующие: старший брат „iz'a“, старшая сестра: „aka“, младший брат „sol'e“, младшая сестра „sużar“. У горных черемис тоже: „əz'a“, „aka“, „sol'a“, „sizar“. У вотяков мы имеем тоже четыре термина: „aya“ — „aka“ — старший брат; „ara“ — „araj“ — старшая сестра; „vun“ — „ek'e“ — младший брат и „suzer“ или „dydy“ — младшая сестра. Те же четыре термина мы имеем у венгров: „bat'ua“ — брат, „nene“ — сестра; „okse“ — младший брат и „xugo“ — сестра. У остыков обских: старший брат — „jał“, старшая сестра — „orí“; младший брат — „apsí“ и младшая сестра — „u“. У эстонцев и финляндцев имеются те же обозначения в описательной форме. Любопытно, что у мордвы при наличии этих же четырех терминов имеется одна небезинтересная деталь — именно: старший брат называет младшего просто по имени, старшая же сестра называет его специальным родственным термином, который у эрзи звучит как: „jalaks“, у мокши: „r'el'n'en'e“. Точно так же старшая сестра обращается к младшей просто по имени, тогда как старший брат употребляет при обращении к своей младшей сестре специальный термин: „sazor“ или „esazor“ и у эрзи и у мокши. В этом, очевидно, мы имеем принцип обозначения младших братьев и сестер в зависимости от пола говорящего лица. Старший же брат: „l'el'aj“ (у эрзи) и „os'u-lel'ej“ и „batej“, (у мокши) и старшая сестра: „akaј“ и „pat'aj“ (у эрзи), „d'äd'aj“ и „akaј“ (у мокши) называются одинаково как младшим братом, так и младшей сестрой. По отношению к обозначению старших зависимости обозначения от пола не сохраняется. Что касается зырян, то материалы Шренка точно так же дают возможность констатировать наличие специальных обозначений для старших и младших братьев и сестер. Морган по отношению к финляндцам дает в своих таблицах одну любопытную деталь в обозначении младшего брата и младшей сестры. Оба они называются одним термином: „piogempi-vel'ieli“. Проверка по словарям этого термина показала, что этого обозначения за счет опечаток относить ни в коем случае нельзя. Так что здесь мы имеем как бы некоторую аналогию австралийскому обозначению (*ugabunna* и др.)¹⁾ младших братьев и сестер. Финский словарь Карийена (P. Karijén) разъясняет эти термины, как взаимопарные, т. е. младший брат и младшая сестра называют друг друга: „piogempi velieni“.

Мордовский фольклор сохранил некоторый намек на взаимный родственный термин, употребляемый в частности и в этом поколении. Этот термин, правда, более широк. Звучит он как: „dugaj“ или „d'i-gal'aj“ и употребляется для выражения некоторой родственной нежности. Сестра обращается этим термином к брату, брат может обратиться к сестре. Однако этим же термином может воспользоваться дочь по отношению к матери, так же как и наоборот.

1) А. Н. Максимов — *ibidem*.

По отношению к братьям и сестрам необходимо отметить в родстве финских народностей и еще одно обстоятельство: у мордвы, черемис, вотяков, зырян и остяков нет термина, как, например, у меланезийцев и полинезийцев для обозначения общего понятия брат; у мордвы, вотяков и остяков нет таких названий для сестры. У финляндцев, эстонцев и венгров эти термины — налицо. У горных и луговых черемис и у зырян есть термины для обозначения общего понятия „сестра“. Любопытно, однако, что у черемис термин „šužar“ означает одновременно и младшую сестру, также и „soj“ у зырян. Причем слово „šužar“ в его разновидности: „suzer“ и „sazur“ у вотяков и мордвы тоже означает младшую сестру. В финляндском языке „sizar“ и в эстонском „sozarg“ означают просто сестру, как абстрагированное понятие. Эти соображения наводят на ту мысль, что когда-то этот термин у всех финских народностей означал именно младшую сестру, как он и до сих пор означает у мордвы, черемис и вотяков. Интересно, что пример черемис, где этот термин имеется в двояком значении, является как бы живым свидетельством способов отвлечения общего понятия от более конкретного.

Возратимся на минуту к поколению отцов, именно к связи между обозначениями братьев и сестер поколения лица говорящего и братьев и сестер моих родителей, т. е. к терминам „дядя“ и „тетка“. По наиболее полно представленным у нас в таблицах системам родства — по волго-камской группе финнов здесь прежде всего бросается в глаза тождественность корней в обозначении обеих этих групп родственников. Так, во всех сложных терминах обозначения дядей и теток, как то знакомых нам: „kuaka“, „koka“, „kuguz'a“ (черемисы); „čiž-araј“ „badzuni — арај“ (вотяки); „syr'e — pat'aj“ (мордв.) и др.— корни этих слов мы без труда найдем в обозначениях родственников, именно братьев и сестер моего поколения. Мы уже видели, что „ака“ — черемис, „арај“ вотяков „pat'aj“ мордвы — означают старших сестер; черем. „iz'a“ — старшего брата. Больше того, в некоторых случаях обозначения моих теток и дядей будут совпадать с обозначениями моих братьев и сестер. Например, у восточных черемис название тетки — младшей сестры отца — „ака“ будет тождественно с обозначением моей старшей сестры: „ака“. У вотяков совпадает название тетки — сестры отца — с обозначением моей старшей сестры: и в том и в другом случае этим термином будет: „арај“. У черемис мой младший дядя — брат отца — и старший брат будет для меня „iz'a“. Аналогично: „agaj“ у вотяков будет и моим дядей по отцу и моим старшим братом. У мордвы в таком же точно смысле я употребляю термин: īel'aj. Говорить на этом основании о классификаторском принципе в финских системах родства было бы более чем рискованно, но, отмечая вторично этот факт, нужно сказать, что принцип группового обозначения некоторых родственников не чужд и финским системам. В этом отношении было бы очень важно проследить с языковой точки зрения морфологию сложных обозначений в финском родстве.

У остяков, венгров, вотяков, восточных черемис тенденция рас-

пространять названия братьев и сестер проявилась и по отношению к племянникам и племянницам. Почти во всех случаях для обозначения племянника берется термин: „младший брат“ и „младшая сестра“ — для племянниц. Так у черемис: „sole“ — младший брат и племянник, и „sužag“ — младшая сестра и племянница. У вотяков „vup“ — племянник и младший брат и „suzer“ — младшая сестра и племянница. У осяков „apsi“ и младший брат и племянник¹⁾). У финнов, эстов, лопарей и др. для племянника и племянницы существуют просто описательные названия вроде: „сын брата отца“. Если у вотяков племянница старше меня, я называю ее „старшей сестрой“ — „akaј“. Видеть в этом какой-нибудь намек на последовательное родство тураноганованской системы нельзя, потому что в данном случае перекрестного обозначения детей брата отца и сестры матери, которых я называю братьями и сестрами, мы не находим. Для обозначения двоюродных братьев и сестер у западно-финской группы существуют только описательные термины; специальные термины отсутствуют для этого и у всех финнов восточной группы.

Прежде чем перейти к характеристике отношений свойства, остановимся еще на поколениях детей и внуков. У всех русских финнов отцы обычно обращаются к детям-сыновьям и дочерям по имени, прибавляя иногда к имени родственное обозначение вроде: „сын мой“ или при ласковом обращении: „мой мальчик“ или аналогично русским: „мое дитятко“. Обычно термины „мальчик“ и „девочка“ являются суффиксальными производными словами от названия „сын“ и „дочь“. Так, мордовское: „c'ogen'e“ — мальчик — производное от „c'oga“ — сын; „t'ejt'ern'e“ девочка — производное от „t'ejt'ez“ — дочь. Черемисское слово: „erg'e“ сын дало „ergas“ — мальчик; название же дочери: „üdug“ лежит в основе слова: „üdyras“ — девочка и проч. Что касается самих обозначений: „сын“ и „дочь“, то у всей угро-финской семьи мы видим резко разграниченную разницу в названиях „сын“ и „дочь“. Для обозначения „сын“ у всех финнов мы имеем несколько корней. Например Szinney в *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft* дает следующую эволюцию финляндского названия сына — „pojka“. У эстов оно звучит как „poeg“, у осяков „roх“, у вогул „ruut“, у венгров „fiu“, у зырян „rī“, у вотяков „rī“. Мордовский корень для обозначения сына: — „c'oga“, который встречается в словопроизношении и как „c'oga“ и „cora“.

В черемисско-русском словаре Васильева, В. М. à pendent мордовскому „c'oga“ встречается слово для обозначения сына „čurij“. Вообще же у черемис имеется свое корневое слово для обозначения сына, это — „ērge“ или „erga“. Этот же корень, очевидно, лежит в основе лопарского: „algi“, с его разновидностью „algi“ (Позрецкий погост) или „ajleg“ (Нотозерский погост). Количество более разнообразны корневые группы для обозначения слова „дочь“. Финляндский корень: „tutär“ — „tuttäre“ встречается только у эстов: „tutär“

1) В одном случае у вотяков есть указание на то, что младшего брата я называю „ek'e“ — сын, а младшую сестру — „dydy“ дочь.

и мордвы — в разновидности: „tejt'er” “text'er” (эрзя) и st'ir’ (у мокши). Вотское „nyl” (дочь) (имеется еще „dydy”) мы находим лишь в зырянском „n'iel”, „nyl”, „nyv”, „ni”. Самостоятелен черемисский корень „idvг” или „üdur” или „edər”. Не находит аналогий в других финских языках венгерское обозначение дочери: „l'eан'”, также остяцкое „evi” и vogульское „aaum” и „jiсi”. Лопарское название дочери „pejd” или „nijd”озвучно лишь обозначению „девица” у эстов „pejtz'i”.

Что касается поколения внуков, то нужно отметить у всех финнов одно обстоятельство, которое мы отмечали уже по отношению к двоюродным братьям и сестрам: для обозначения внуков и внучек финские языки пользуются или описательными терминами или же заимствованными из русского. Специальных терминов для обозначения этого вида родства нет совершенно. Так, мордва, черемисы и венгры заимствовали обозначение этого родства у русских, несколько, согласно законам своего языка видоизменив термины: „внук” и „внучка”. У мордвы-эрзи этот термин существует в виде: „nic'ka”, у мокши: „unika”, у черемис в форме: „unuk” или „ənək” и в венгерском языке — в форме „unoka”. Обычно же для обозначения этих родственных понятий у финнов употребляются описательные термины вроде: „сын моего сына”, или „дочь моего сына” и пр.

Переходим теперь к характеристике отношений свойства у угро-финских народностей. Остановимся прежде всего на тех обозначениях, которые характеризуют собой отношение мужа и жены. Прежде всего необходимо отметить, что во всех случаях мы имеем совершенно самостоятельные обозначения как для мужа, так и для жены. Аналогичного обозначения русскому „супруг и супруга” мы не находим. Вообще же нужно сказать, что отношения свойства у финских народностей требуют специального изучения. Введение в современную патриархальную семью нового члена в виде снохи и, в редких случаях, зятя обусловливает собою целый ряд ограничений, запрещений морального и физического характера по отношению к членам двух породившихся семей, а с другой стороны, это же обусловило собою явления моральной и физической близости в виде снохачества, так распространенного у ряда народностей.

Мы слишком уклонились бы от нашей прямой задачи, если бы занялись изучением системы брачных и семейных запретов специально. Отметим лишь два случая, когда явления запретов связаны с обозначением мужа и жены. Почти у всех финских народностей муж называет свою жену и взаимно по имени, но при целом ряде обстоятельств жена не может называть по имени своего мужа и наоборот. У мордвы, например, жена в течение известного срока не называет по имени своего мужа в том случае, когда свекор одноименен мужу. В таком случае жена называет своего мужа или междометием: „ей” или местоимением: „mon'es”, что значит: „мой” с постпозитивным окончанием: „мой-то”. То обстоятельство, что жена не называет мужа по имени, вызывает у мордвы и со стороны мужа взаимно те же обозначения, так что, например, местоименные формы или междометия

становятся взаимными терминами в обращении. Впрочем, у мордвы мы имеем и более определенные взаимные термины: „муж“ и „жена“, так у мокши таким термином будет: „polaj“, в ласкательной форме: „polen'em“¹. Этим обозначением называют друг друга и муж и жена при личном обращении друг к другу. В словаре Видемана (Wiedemann) мы находим в эрзянском говоре слово с таким же взаимным обозначением для мужа и жены. Это слово „пі“. Надобно сказать, что в современном эрзянском говоре Алатырского уезда слово: „пі“ сохранилось лишь в обозначении: „жена“, в других же говорах оно уже потеряло самостоятельное значение, а употребляется лишь в соединении с собственными именами. В том случае, когда кто-нибудь говорит о женщине N, что она жена Ивана или Якова, он употребляет сочетание: „Ivan-nizo“, „Jaša-nizo“ и т. д.

У черемисе, при наличии того же запрещения более распространены иной способ взаимного обращения друг к другу мужа и жены. Они обращаются друг к другу по именам детей, по преимуществу первенцев. Так, если первенца зовут Иваном, то муж называет жену: „Juwan-ava“, жена же называет своего супруга „Juwan-aba“, т. е. „отец Ивана“ и „мать Ивана“. Однако если первенец одновременно свекру, то тогда его именем муж и жена не называют друг друга, тогда они будут называться именем второго ребенка. М. Бух констатирует этот же принцип и по отношению к вятским вотякам и отмечает, что в тех случаях, когда зять входит в дом своей жены, то запреты распространены по тому же правилу на зятя. То же самое указывает и Патканов по отношению к угорским остякам. Чисто зулусский способ взаимных обозначений мужа и жены в связи с табуациями между зятем и родителями жены и снохой и родителями мужа, табуациями типа зулусской „uki-chlonipa“¹) на финской почве вполне объясним соображением по этому поводу Фразера, по которому, имя как наиболее жизненная часть человека, стараются произносить как можно реже. Особенно же это произношение табуировано по отношению к именам старших. Дело, однако, не в аналогии и не в ее объяснении. Дело в том, что по существу в большинстве случаев у финнов такие термины, как „муж“ и „жена“, равно как и имена мужа и жены являются как бы способами обозначения супружеских отношений между мужчиной и женщиной со стороны посторонних. В связи с этим, может быть, находится и тот факт, что у ряда финских народностей термины „муж“ и „жена“ распространяются на такие обозначения, как „мужчина“ и „женщина“, а термин „муж“ иногда просто будет одновременно означать и мужчину, и человека. Очевидно, что для постороннего человека муж и жена будут просто „мужчиной“ и „женщиной“, и самое содержание этих терминов, следовательно, как бы не отражает существа отношений мужа и жены. Так, черемисское слово „tagij“ — муж будет одновременно означать и мужчину, и человека, и черемисина. Вотское: „turt“ (имеется еще два термина

1) Э. Краузе, „Мистическая роза“, пер. с англ., 1905 г., стр. 48 и 389.

„kart” и „kuz-pal”) муж и „kyšno” — жена — тоже входят составной частью в слово: „pies-murt” мужчина и человек и в „kyšno-murt” — женщина. Мордовское „c'oras’” — муж и „avas’” — жена (имеется еще: „mird'e” муж и „nī” жена) означают и общее понятие мужчина и женщины. Пермяцкое „in” означает тоже и жену и женщину. Венгерское „serf” и „ser” означает также и мужа и мужчину. У suomi: „mies” — муж и „nainen”, или „vajmo” — жена тоже означают мужчину и женщину. То же мы видим и у эстов: „mees” и „naine”. В связи с этим любопытно и то обстоятельство, что термины муж и жена ни в одном случае не распространяются ни на других родственников, ни на других свойственников. В этом смысле они строго индивидуальны. Наоборот, в финских системах родства некоторый групповой смысл приобретают зато обозначения, даваемые братьям и сестрам мужа, а также и братьям и сестрам жены.

Так, у suomi брат жены и брат мужа одинаково называются „Panko” также, как золовка (сестра мужа), свояченица (сестра жены) и невестка (жена младшего брата мужа) одинаково называются: „käl'i”. У эстов одно обозначение „nadu” мы имеем для золовки, свояченицы и невестки. У лопарей точно так же тождественно обозначаются термином: „vun'e-p'ele” золовка, невестка и свояченица — параллельно обозначению деверя и шурина вместе термином: „vyp-p'el'e”. Любопытно, что по своему смыслу „vun'e” или „vyp” означает тещу и свекровь, а „vyp” — тестя или свекра. Слово же „p'ele” означает половину, так что по смыслу слова „vun'e p'el'e” переводятся или как „половина тещи” (свояченица — сестра жены) или как „половина свекрови” (золовка — сестра мужа). Обозначение же: „vyp-p'ele” параллельно значит или „половину тестя” (шурин — брат жены) или „половину свекра” (деверь — брат мужа). У горных и луговых черемис одним названием свойства объединяются, впервых: сноха — жена младшего брата и жена брата моей жены или моего шурина, именно обе они называются: „šešk'e”. Сестра мужа и сестра жены обе обозначаются как: „nudu” или „nudo”. У восточных черемис одинаково называются шурины и деверя. Если они старше мужа или жены, то называются: „iža”, если же они моложе их, то „šol'o”. Однако у горных и луговых черемис понятия: „деверь”, „р'огуз” и „шурин” — on'yska“ индивидуальны.

Мы не решаемся следовать примеру Майнова и Ерусланова, а также и Смирнова в осмыслении этих групповых названий, как пережитков определенных половых отношений жены и братьев мужа, мужа и сестер жены. Дело в том, что Ерусланов, например, подобно Майнову, приходит к заключению о пережитках близких отношений между этими группами свойственников на основе смыслового объяснения самих терминов, вроде: „р'огуз” — следующий муж, или: „бисоп'o” — женщина, с которой спит ядя. Этот путь осмысления отношений свойства мы считаем самым скользким. В данном случае приведенные выше двух- и трехзначные термины понятия и сами по себе, если мы допустим, что одинаковые обозначения

братьев мужа и жены, так же как и сестер их, есть отражение одинаковых отношений мужа к родственникам жены и наоборот — жены к родственникам мужа. Для нас достаточно одного, что жена называет брата мужа так же, как муж называет брата жены. Муж называет сестру жены так же, как жена сестру мужа. В соответствии с этим находятся те обозначения, которые даются отцу и матери мужа, т. е. свекру и свекрови и отцу и матери жены, т. е. тестю и теще. Финские системы родства в большинстве случаев не проводят подобно англичанам или французам (*father in law* тесть и свекор и *mother-in law* теща и свекровь) разницы между тестем и свекром, тещей и свекровью. Для черемисина-мужа тесть будет „а́са“, для черемиских жен — „а́са“ будет свекор. Муж будет называть мать своей жены: „ава“, жена же будет называть свою свекровь „ава“. Этими же терминами я называю и своих родителей. У мордвы в личном обращении и муж и жена также называют и своих родителей и родителей по супружеству: „авај“ мать и „т'ет'äj“ — отец. За глаза же мордовка называет своего свекра „ат'äš“ или „ат'автом“, т. е. просто „старик“, свекровь — „ававтом“ — т. е. старуха-женщина. У финляндцев для обозначения свекра — тестя и свекрови — тещи тоже существуют только два термина: „appini“ — тесть, свекор и „aporrini“ — теща, свекровь. У эстов тоже два: „aj“ — тесть, свекор и „ämm“ — теща, свекровь. У мадьяр же два термина: „íram“ — муж и „naram“ — жена. У зырян тоже: „ajka“ и „inika“. То же и у лопарей, где „vир“ тесть и свекор и „vune“ (Нотоз погост) теща, свекровь. Лишь в несколько видоизмененной форме эти термины у вотяков, где: „ају“ — свекор, „кува“ или „титу“ — свекровь; „ајту“ — тесть и „титуту“ — теща. По своему содержанию большинство из этих терминов или тождественны с обозначениями: „отец — мать“ или производны из этих же обозначений, и лишь в редких случаях, как у *suomi*, венгров и лопарей, индивидуальны. В виде исключения необходимо отметить, что у восточных черемис наряду с двумя вышеуказанными терминами сохранился и еще один, которым одновременно обозначаются и тесть, и свекор, и свекровь, и теща. Этот термин: „kugi“ — большой, старший. Иногда в этом же обозначении там же употребляется термин: „он'о“.

Обозначения зятьев и снох, наконец, у финнов совершенно индивидуальны, не распространяющиеся больше ни на какую группу родственников или свойственников. Зять пофинляндски: „vävy“, эст.: „väj“, венг.: „vej“, вотск.: „rije“, черемисск.: „kýryska“ и „vin'g'e“, морд. „sodomo“ (эрз.) и „ov“ (мокш.), лопар.: „s'ok-p'el'e“. Сноха пофинляндски: „minä“, эст.: „minija“, венг.: „meni“, зыр.: „mon“, вотск.: „ken“ и „kenak“, чер.: „jen'gä“ и „jenga“, морд. „ig'va“ и „erven'e“. В отношении к зятьям и снохам у вотяков, черемис и мордвы их обозначения кроме того построены на делении их на младших и старших. У мордвы, например, даже снохи по старшинству получают новые названия, которые заменяют им их имена. Старшую сноху называли: „mazaj“, среднюю: „vezaj“ и младшую: „ravaaj“.

III.

Попробуем подвести некоторые итоги. Морган относит системы родства урало-алтайской семьи народов к типу описательных систем. Мы не будем ставить по отношению к угро-финским народностям этого ultra-теоретического вопроса. По существу говоря, условная классификация систем родства Моргана, подразделяющего все системы на две категории, после целого ряда критических работ по поводу сущности самой моргановской теории, стала, если можно так выразиться, еще более условной. Эта условность нашла особенно наглядное свое выражение в тех почти полутора сотнях систем, которые собрал и издал Морган в 1860 годах прошлого столетия. Ведь, если, например, системы родства эскимосов, отличающихся от наших только тем, что дети двоюродных братьев называются племянниками, дети племянников — внуками, братья и сестры дедов — дедами, можно безусловно причислить к классификаторской группе систем, то без особой натяжки, при желании, идя дальше, можно было бы причислить к этой группе и другие системы, где, предположим, лишь братья и сестры дедов называются дедами, как у некоторых финских народностей. Дело, однако, в том, чтобы отнесение тех или иных систем к известной категории не оставалось безрезультатным, поэтому нам кажется, что по отношению к системам угро-финнов более плодотворной оказывается типологизация систем, данная Риверсом¹⁾, условно классифицирующим, как известно, все системы на: а) семейные, в) родственные (*kindred*) и с) клановые. Не выходя за пределы поставленных нами выше задач, попробуем дать характеристику родственных отношений в пределах той общественной единицы, в которой родственные отношения и их внешнее выражение — родственные обозначения бытуют доселе. Такой общественной единицей у всех почти угро-финских народностей, как мы отмечали выше, является современная патриархальная семья. Приступая к разложению анализированных родственных и свойственных обозначений на современную социальную значимость патриархальной семьи, мы должны иметь в виду одно обстоятельство: все или почти все исследователи угро-финского родства, о которых мы неоднократно упоминали, анализируя современные родственные обозначения той или иной народности, неизбежно и систематически клонили свои выводы к тому, что современные обозначения родства объяснимы только при допущении „коммунального брака“ или ярко выраженной полигамической организации. Так, например, И. Н. Смирнов во всех своих монографиях с этого начинает обзор общественных отношений восточно-финских народностей и к этому же неизбежно возвращается. В отождествлении в финских системах родства женщины с женой, мужчины с мужем, девочки с дочерью, он видит следы коммунального брака. Возрастной принцип обозначения родственников он ставит в связь с по-

1) Rivers, Kinship and Social Organisation, I, 3, 65.

лигамической организацией, причем рядом легковесных доказательств полигамию относит он чуть не ко вчерашнему дню истории семьи финских народов. На этой же позиции стоит и еще ряд исследователей. Поэтому нам хотелось бы прежде всего поставить перед собой для решения один вопрос. Те родственные взаимоотношения, сравнительный анализ которых мы попытались дать, имеют или реальное применение в современной семье, или же они неизбежно требуют расширения рамок современной патриархальной семьи до более широких родственных организаций. Короче, наш вопрос можно формулировать так: системы родства финских народностей можно ли считать дериватом современных семейных отношений, или же они будут результатом целого ряда исторических наследий социальных отношений, отложивших в них свои признаки.

Попробуем взять для анализа статически хотя бы современную парную семью и проследим те родственные отношения, которые вырастают в пределах этой современно-патриархальной семьи. Допустим, что перед нами обычная двенадцатичленная семья, состоящая из отца и матери, из двух женатых сыновей, невыданной дочери, неженатого сына, двух детей первого сына (муж. и жен. пола) и двух детей второго женатого сына (муж. и жен. пола).

Иначе берем три поколения внутри парной семьи, в которой первое поколение по отношению к третьему будет поколением дедов и бабок, по отношению ко второму — отцов; второе поколение будет детьми по отношению к первой паре и отцами для третьего поколения. Третье поколение будет внуками для первого поколения и детьми для второго. (См. таблицу № II.)

Естественно, что, не выходя за пределы одной семьи, которую мы пока будем рассматривать как замкнутую единицу, анализ родственных отношений нам даст только родство агнитическое. Что же касается свойства, оно будет лишь пока внутрисемейное. Известно, что если каждое поколение в такой семье будет являться по отношению к двум другим в двух различных родственных ролях, то индивидуально каждый член из двенадцати в своих родственных отношениях в современной семье будет родственно модифицироваться гораздо более разнообразно. Так, глава патриархальной семьи будет одновременно дедом для детей своих сыновей, отцом для сыновей и дочерей, свекром для жен своих сыновей и мужем для своей жены. Если бы мы по порядковой нумерации обозначили всех членов семьи, начиная с отца (№ 1) первой пары, матери (№ 2), старшего сына (№ 3), его жены (№ 4), второго сына (№ 5) и т. д., кончая № 12 — дочерью второго женатого сына, то метаморфозу индивидуального родства можно было бы обозначить в отношениях. Так, № 2 является одновременно бабкой по отношению (:) к № № 9—12, матерью (:3.5.7.8), свекровью (:4.6), женой (:1); № 3 — отцом (:9.10), старшим братом (:5.8.7), дядей (:11.12), мужем (:4), сыном (:2); № 4 является — матерью (:9.10), теткой — женой дяди (:11.12), невесткой (:6), снохой (:1 и 2), женой (:3); № 5 — подобно № 3-му плюс — младший брат (:3),

младший деверь (: 4); № 6 подобно № 4; № 7 — младший брат (: 3. 5. 8), младший дядя (: 9—12), младший деверь (: 4. 6) младший сын (: 12); № 8 — младшая сестра (: 3. 5), старшая сестра (: 7), тетка младшая (: 9—12), золовкой (: 4. 6), дочь (: 1. 2); № № 9 и 11 являются сыновьями (: 3. 4), старшими братьями один (: 10, другой: 12), племянниками (: 3. 5. 8. 7), двоюродными братьями по отношению друг к другу и своим сестрам (взаимно), внуками (: 1 и 2); № 10 и 12 являются дочерьми (то: 3. 4, 12: 5. 6), младшими сестрами (10: 9; 12: 11), племянницами (: 3. 5. 8. 7), двоюрод. сестрами (20: 11. 12; 12: 9. 10) и, наконец, внучками (: 1 и 2). Таким образом уже в пределах родства по отцу мы имеем в составе двенадцатичленной парной семьи следующие родственные отношения: по прямой линии: дед, бабка, отец, мать, сын, дочь, внук, внучка; по боковой: старший дядя, младший дядя, старшая тетка, младшая тетка, старший брат, младший брат, старш. сестра, младшая сестра, племянник, племянница, двоюродный брат, двоюродная сестра. Отношения свойства выражены в понятиях: муж, жена, свекор, свекровь, сноха, золовка, невестка, и деверь. Это — реальные отношения родства и свойства, вытекающие только из одной семьи (условно взятой в качестве замкнутой единицы).

Однако известно, что современная патриархальная семья не представляет собою такой замкнутой единицы даже и в отношении родства. Понятно, что женщины первой, второй и третьей пары в эту семью попали из других подобных же патриархальных семей. Известно также, что женщина № 8 может попасть тоже только в такой тип семьи. Естественно поэтому, что родство и свойство соответственно этому будет расширено реально.

Не приводя еще раз всем известных истин, я только позволю себе схематически изложить расширение реальных родственных и свойственных отношений анализируемой семьи в зависимости от того, что патриархальная семья в силу своей малочисленности и экзогамности неизбежно рождается с подобными же семьями. Предположим, что взятая нами семья — А. — Пусть женщина под порядковым № 2 (бабушка) в эту семью вышла замуж из подобной же во всех деталях семьи. В. Естественно, очевидно, что если она в семье — А — стала составлять первую пару, т. е. жену старшего члена семьи, то она способствовала тому, что родство семьи — А — расширяется именно по материнской линии. В результате подобного расширения мы получаем, следовательно, бабку и деда по матери, поскольку у нее были отец и мать; старшего дядю по матери и младшего дядю и теток по матери — поскольку у нее были братья и сестры; если угодно, прадеда и врабабку для внуков семьи А. Расширяется и свойство семьи — А —. К тому, что мы имели прибавляется: тестя и теща, поскольку муж этой женщины будет иметь какое-то отношение к отцу и матери своей жены, появляется также свойство шуринское, по отношению к братьям жены и пр. (См. таб. III.)

Если бы теперь семья — А — захотела выдать свою девушку № 8 — дочь первой пары замуж в семью С, — то мы увидели бы, как и зави-

сности от этого, расширились бы отношения свойства семьи — А —. К тому, что имела эта семья, прибавились бы отношения: к зятю — поскольку первая пара семьи — А — имела бы известное отношение к мужу своей дочери; по вполне понятным данным, прибавились бы отношения: к сватьям, свахе, свату, свояченице; повторились бы отношения к золовке, деверю, и пр. и пр. (См. таб. III.)

Самые системы родства, следовательно, являются именно отвлечением реальной значимости семейно-родственных отношений современного типа.

Подойдем к этому с другой стороны. Постараемся подытожить те принципы, которые лежат в основе финских систем родства.

1. По отношению ко всем угро-финским народностям мы имеем возможность, как видели выше, обобщить лишь то положение, что все финские системы родства одинаково в своих обозначениях родственных отношений строго разграничивают принцип полового разделения всех родственников и свойственников. Те исключения, которые в двух случаях мы констатировали выше, легче всего отнести за счет взаимных терминов обозначения. Напрасно видят в том, что финские системы отождествляют жену и женщину, мужа и мужчину и пр. следы коммунального брака. Вестермарк, критикуя Моргана, совершенно прав, когда говорит, что: „Во всех языках существуют различные обозначения для лиц различных полов“. Системы родства финской семьи языков, которая родовых признаков в языках не имеет, является убедительным доказательством того, что даже язык не служит препятствием в тех случаях, когда необходимо отметить те или иные социальные явления жизни. Принцип пола, по существу наиболее элементарный, вместе с тем оказался и наиболее устойчивым в финских системах родства. Этот принцип не только не противоречит современным условиям патриархальной семьи, а, как известно, является до сих пор живым нервом в социальной значимости семьи, поэтому на нее делится совершенно без остатка.

2. Менее поддается обобщению, но, по нашему мнению, почти так же несомненно второе положение, характеризующее собою финские системы родства — это обозначение родственников применительно к возрасту данного лица и, точнее, применительно к относительному старшинству данного родственника по отношению к лицу говорящему. Нужно сказать, что исследователи, которые делали из этого тот вывод, что возрастное обозначение родственников не объяснимо с точки зрения современной истории семьи (Смирнов, Ерусланов), впадали в глубокое заблуждение, смешивая два принципа в обозначении возраста родственника или свойственника. Принцип обозначения возраста в системах классификаторского типа, в которых мой возраст, возраст моих братьев и сестер — родных и двоюродных — измеряется относительно возраста моего отца и его братьев и сестер, нужно отличать от обозначения возраста у финнов, где возраст и старшинство моих братьев измеряется относительно меня самого, старшинство моих дядей по отцу измеряется относительно возраста моего

— 70 —

Сравнительная таблица¹⁾ названий

Названия родства	Финны- Suomi ²⁾ .	Эсты ³⁾ .	Лопарии ⁴⁾ .	Венгры- Мадьяры ⁵⁾ .	Вогулы и Остяки ⁶⁾ .	Зыряне и Пермяки ⁷⁾ .
Старик	Ukko	Vanamees		ör'eg, ös, em-ber		pörys-oj, yd-zyd-oj, parysi
Старуха	amma, akka, mummio	Vanamoor		öreg asson'		
Прадед	isoisänisä	minu esä esä ajac esä, vana vanaisa		ded at'uam		
Прабабка	mummon ähti	minu emäemä ajakka emä, vanava-naema		ded an'uam		
Дед	ukkovaari, isän-isä	minu esä esä, aj vanaisa		oreg-at'uam,		pörys-oj, yd-zyd-oj
Бабка	isoähti, mummo, eukko, vanha-nainen	minu emäemä akka vana ema		nad'apa		
Дед по отцу	isän-isa	min'u esä esä		oreg-anuam		
Дед по мат.						
Бабка по отцу						
Бабка по мат.		minu emäemä				
Брат деда	iso satani					
Брат бабки	iso enoni					
Сестра деда	iso tätini					
Сестра бабки	iso tätini					
Родители	vanhemmat	vanemad (isa-ema)				
Самец	Koiras	isane				aj
Самка	naaras	emane				ini
Отец	isä	minu esä, issa, taat	esčim	at'a, apa, at'-uam		bat', aj, un-aj
Мать	ähti	minu emmä	janna	an'a, ann'uam	so-anim (вогулы)	там
Дядя	*	on'u			anga (остяки)	
Дядя по мат.	eno	minu emmä vend	Čeč	nad'-bat'ua	jaj (ост.)	ifs-aj, un-aj
Дядя по отцу	setä	issa vend	Čeč	nad'-bat'ua		
Тетка	täti	tedi		nad'nene	opi (ост.)	töt
Тетка по мат.	täti	minu emmä odde		nad'nene		
Тетка по отцу	täti	minu esäodde				
Дядя старш. брата матери						
Дядя младш. брата отца						
Дядя младш. брата матери						
Тетка старш. сестра отца						
Тетка старш. сестра мат.						

родства угро-финских народностей.

Таблица I.

Вотяки 5).	Черемисы ⁹⁾ (Горн.).	Черемисы (Луговые).	Черемисы (Восточн.).	Мордва- Эрзя ¹⁰⁾ .	Мордва- Мокша.	Примечания
	Songa-maro	šongo-marij		at'abod'a, d'e-daj		
	Songa-vatä	šongo-vata		ava, baba		
peres' ajmy-l'en aiz	Kugo-Koča Kogo-tot'a	Kugo-koča	Kuezä-Koča	pokštäj, bo-d'ej, d'edaj		
peres' mumy-len mumiz	Kogo-papa	Kugo-kuvava	Kuezä-Kuva-va	babaj		
peres'-ataj, peres'ajy peres'-mumy	t'ot'a papa	Koča Kuvava	Koča Kuvava	pokštäj, bo-dej, d'edaj babaj	oc'u-al'a oc'u-d'ed'äj	
babaj, peres' ajy čuž-ata anaj	Čečä-tot'a papa	Čučo-Koča Kuvava	Kuača, Koča Kuguz'a Kuava, Kuva-va	pokštäj, bo-d'äj, d'edaj babaj		
čuž-anaj	Čečä-papä	Čučo-Kuvava	Čučun'ö Kuezä-Ku-guz'a Čučo Kuezä-Kuaka	" vasyl-bod'aj vasyl-babaj	oc'u-l'aj	
mumy-ajy ajy mumy aj, ajy, ataj, agaj mumy, mumi, nene, anaj	āvā	ača Ava n aba	ava ava	t'et'at avat at'aka avaka at'a,t'ät'a,tetej ava, avaj	al'äj	
agaj nün'a	Čečä	Čučo	Čučo	pat'aj		
apaj čuž-apaj			Kuguz'a Čučoni			
aky, akaj peres'-ajy	Čečä Kuguža		Kuaka Kuguz'a (pavaj)	al'kaj, od-d'e-daj, od pok-štäj vasyl-d'edaj	al'äj at'äj	
n'un'a	Čečä		Kuguz'a (pavaj)	tel'ej		
	cəcə		Kuva, Kuaka			
aky, apaj, akaj čuž-apaj	Kuaka	Koka				

1) Привожу только терминологию родства и способы в узком значении этого слова. Родства супружного (жены), племени, сына, племени, сына, племени, сына, племени и пр.) не касаются.

2), 3) и 5) Основным источником для составления таблицы родственных обозначений по финским народам Моргана. По возможности автор пытается проверять терминологические обозначения по словарям, которые иногда давали возможность дополнить таблицу.

Название родства.	Финны Suomi	Эсты.	Лопари.	Венгры- Мадьяры.	Вогулы и Остяки.	Зыряне и Пермяки.
Тетка младш. сестра отца						
Тетка младш. сестра мат.						
Т. жена стар. дяди	enoni vajmo,	minu esil ve-		nad'-ang'uom		
Т. жена млад. дяди	setäni-vajmo	nna nainä				
Сын	pojka	poeg,	al'gi	siu	рох (остяки) руум (вог.)	ri
Дочь	tutär	nejtz'it	nijd	I'ean', s'uz	еви (остяки) ааум, juči (вог.)	nil, nyi, nyv, ni
Брат	veli	vend, vennas	vill'	tešver		
Сестра	sizar	ode, sozar	ob, oboš	n'otešver		
Старш. брат	väinämäki-ve- lien'i	minu vanem		bat ua	jansim, japo,	sej, soj
Старш. сестр.	väinämäki-si- zaren'i	vend		nene	jaj (ост.)	vok (зыр.)
Младш. брат	nuoremäki ve- lien'i	minu-vanem-		oksem	opi (ост.)	von (перм.)
Мл. сестра	nuoremäki ve- lien-i-sizaren'i	odde		hudom	apsi (ост.)	
Двоюр. брат	Orpana, ser- kuu	minu-nohrem- vend			y (ост.).	
Дв. сестра	Orpana ser- kuu	minu-nohrem- odde				
Племянник	velien-lapsi, velien pojka, sizaren poj- ka, peraa	minu-esä-ven- nä-tutär		tešver-sia, kis apsi (ост.)		
		minu-esä-od- de-tutär		öksem		
Племянница	velien lapsi, velien tutär, sizareni tutär	minu-vennä- tutär			tešver-lean'a, y (ост.)	
		minu odde- tutär			kis kugom	
Внук	tuttäreni-poj- ka pojan-pojka lapso-laps	minu poeg- poeg			siam sia, uno- ka	
	pojan-tutär	minu tutär- poeg			leanian-sia	
Внучка	tuttäreni tutär	minu-tutär- tutär			siam leania	
		minu-poeg- tutär			leanian leania	
Внучат. пл-к	Nepaan pojka	minu-venwä				
		poeg-poeg				
Внуч. пл-ца	Nepaan tutär	minu-vennä				
		poeg-tutär				
Правнук	tuttäreni-tut- ären-pojka	minu-poeg-				
	tuttäreni-tut- änén-tuttär	poeg-poeg				
Правнучка	mies	minu-tutär-				
		tutär-tutär				
Мужчина (вообще)		meesterah- was, mees		farsi		
					murt-mort	

Воткин.	Черемисы (Горн.).	Черемисы (Луговые).	Черемисы (Восточн.).	Мордва- Эрзя.	Мордва- Мокша.	Примечания.
badzym-apaj			aka			
badzym-apaj			aka			
cuž-apaj, akaj, apaj	kuva	čuču-vata	Kuaka, koka	od babaj		
badzym-apaj	čača-jenga	čučo-jenga	čučun'o (по матери) jenga (по отцу)	urež		
pl. nyl-pl.eke	ergā, ergaš	erge, ergaš,	erge	c'ora, cora,	cora	
nyl, dydy	ədər, ədaras̄	čurij idur, üdyr, üdəras̄	üdür	čora tejter, t'ex- ter	stir	
agaj, aka- n'un'a	šūmpel'	šužar	iza	l'ełej, al'kaj,	oc'u-l'ełej,	
apa, apaj	əzä	iza	aka	al'ej aka, pat'ej	bat'ej d'ad'aj, akaj	
vyn, eke,	šol'a, šum- pel'ka	šol'o	šole	jalaks (для стар.сестры)	pel'n'en'e	
suzer, dydy	sizar, šežarka	šyžar	šuzar	sazor	esazor, sazor	
		šežarka				
suzerel'en piez, vyn			šole		batška, s'inej (дети мл. с.)	
suzerel'en ny- lyz, akaj. suzer			šužar		jolma stir	
pielen piez	ənəka	unoka	unuk	nuc'ka	unika	
pielen-nylyz			unuk i	"	"	
pijosmurt				c'ora		

4) Источником для составления таблицы послужила табличка, принесенная в Народную Национальную библиотеку Тарту (Латвия).
 5) На воротах и осях каминов (Оксини) автор мордвы изображает лягушку (lyu-lyu).
 6) Но ворота и осях каминов (Оксини) автор мордвы изображает лягушку (lyu-lyu).
 7) Терминология родства по Комнинову и Лепкину — собрана из упомянутой в тексте работы Ширенка, а также из моих наблюдений.

Золотникова и некоторых других источников.

Название родства.	Финны- Suomi.	Эсты.	Лопары.	Венгры- Мадьяры.	Вогулы и Остяки.	Зыряне и Пермяки.
Женщина (вообще)	nainen	naesterahwas		nő	n'e	babá, in (пер.)
Свекор	äppi	mehe-esa, ai	vup, kallas	ipa		ajka
Свекровь	äpori	mehe emmä, ämm	vuj enne, agka, vuen	napa, nénje		inika
Тесть	appi	äi, taat	как свекор	ipa		
Теша	anopi	ämm, ämma	как свекровь	napa, nénje		
Муж	mies	mees		seri, ura	igi (ост.)	ver'es (ижем. зыр.), auka
Жена	vajmo	naine		selešege	ekkua (вог.) ingi (ост.)	in' (перм.) jotyg (зыр.)
Сноха	minia	mini, minija	vun'e-p'el'e	men'y		mon' (ижем.)
Зять	vävy	väj, mees	sök-pel'e	veje		
Сноха (жена старш. бр.)						mon' (ижем.)
Зять (муж старш. сест.)						
Сноха (мл.)						
Зять (младш.)						
Свояк	l'anko	käli-meес, käli		at'uafi		
Своячница	käly, vajm. sizar	naese öde		ang'ye, rokon		
Шурин (стар- ше жены)	naal'a, l'anko			šcgor		
Деверь (стар. мужа)	kyty, l'anko					
Жена старш. деверя						
Жена шурина.						
Шурин	naala, l'anko	naesc-vend	По-имени			
Деверь	kyty, l'anko	küdi, mehe- vend	vup-p'el'e			
Невестка	veljeni vajmo, käly, minia	mini, venne- naese		meny		ic' mon'
Мл. деверь						
Золовка	nato, käly	mehe-ode, nadu	vune-p'el'e, ujn'e-p'el'	ang'ye		

Вотяки	Черемисы (Горн.)	Черемисы (Луговые)	Черемисы (Восточн.)	Мордва. Эраз.	Мордва. Мокша.	Примечания
kyšno, kyšno- murt		nō		ni, ava		
ajy	oba, ov̄y	on'o	ača, cugo- on'o	at'avtom, at'- as, t'et'ej	at'aj, at'afs'	
kuba (кзан.) memu	kuvy, kuba	kugu	ava, cugo- on'o	avavtom, ava)	avafs'	
ajymu	oba, ov̄y	on'o	z̄ča, cugo-on'o	bat'kam. (et'ej)		
mumymy	kuvy, kuba	kugu	ava, cugo- on'o	matkaj, avaj,		
kuz-pal (ces.) kart (кош.)	mary	marij	marl, kuguz'a, ul'mo	nizan'a cora, cora, čora, mir- d'e, ni	cora, pola), mones'	
kyšno, p'oras'	vaty	vata	vate, kuva, üdramas,	ni, avas', ba- bas', ej	ava, polaj, mones'	
ken	jengi	jenga		ur'va, ur'ež, rež		
pije	kýryška, vin'- g'e	kurska		sodomo, ov	ov	
ken	jengi	jenga	jengi	ur'va, ur'ež,	erv'en'e, akl'sj	
kyrsi	kýryška, vin'- g'e	kurska	kurska	sodomo, ov	ov	
ken-ak	šešky	šešk'e		viškal'n'e, kijal		
	pasana	vin'ge	ven'ge	svojak	pald aj	
		posana	pos ana			
nudy	nudo	šol'o	on'aka, aka, šužar	anaj (Jlenex.)	paldas	
on'yska	on'yska	iz'a, šol'o	iz'a, on'yska	kukžal'a	bazaj	
p'oryž					at'aj	
on'aka	on'aka		jen'ga			
šešky	šešk'e		šeške			
on'yska	on'yska				bazaj	
agaj	p'oryž					
ičimen', dydy	šešky	šešk'e		ur'va, pen'- ur'va	erv'en'e	
				al'n'e, baldyz		
	p'oryž		šol'o, p'oryž, boldyz	baldyz	jolmat'aj	
apajzy	nudy	nudo		parač		
				paruya, avn'e	akl'aj, sti- ridse	

8) По вотякам германистами приведена на основании всех упомянутых в тексте работ по вотям, и также на осно-
вании данных, сообщенных автору погаком К. П. Гердом (аспирант ин-та Чар. Вост.).
9) При составлении таблиц по Марии, кроме указанных в тексте литературных источников А. Н. Аттикуса (стука, — Мария),
собранные автором в экспед. 1925 г. от Н. М. Н., а также материалы сообщенные Мариной А. Н. Аттикуса (стука).
10) По мордве — кроме литературных источников при составлении таблиц обобщенчий раздел мордовской лексики из Мордвы.
Также собранные автором лично от Мордвы.

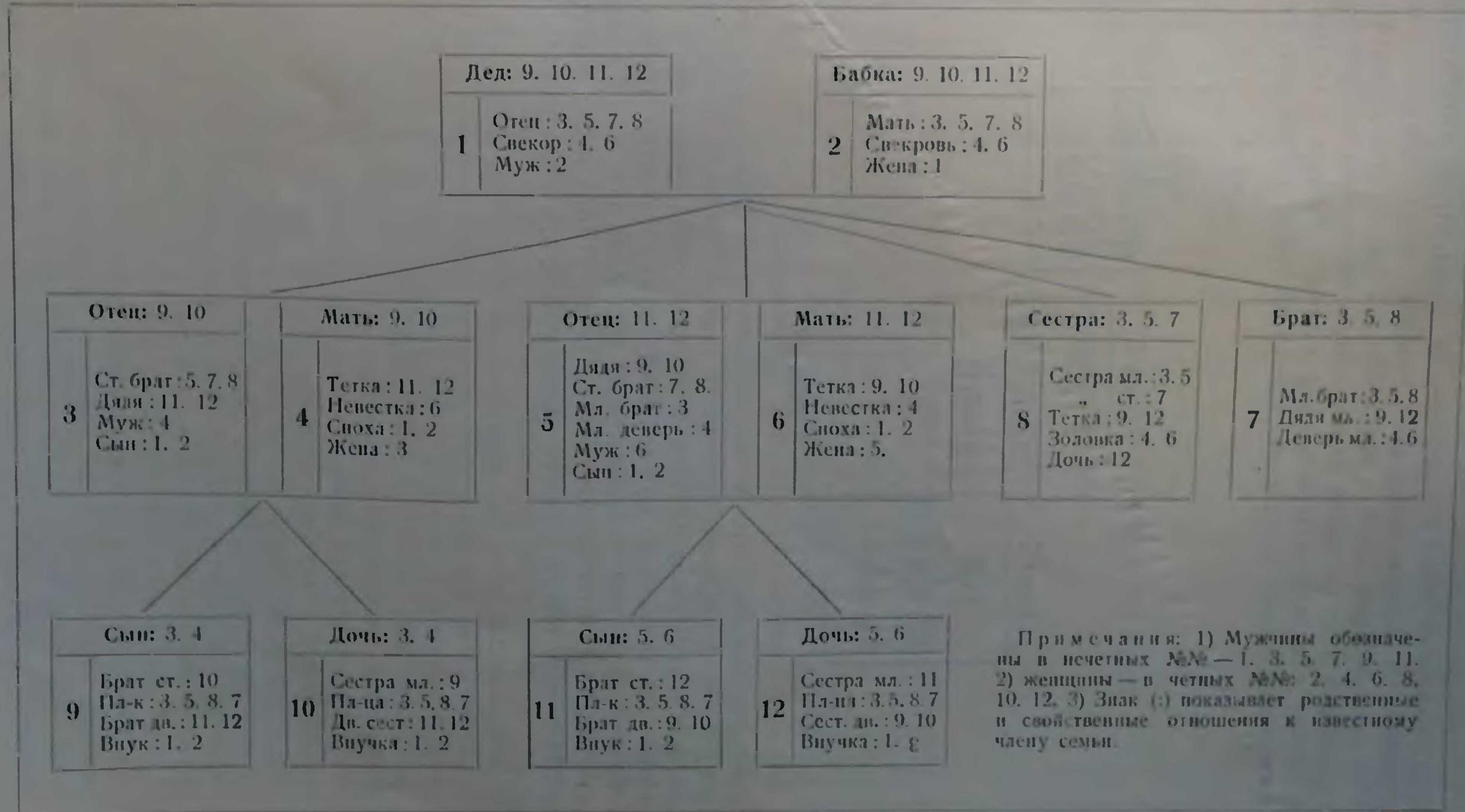
отца, старшинство моих дядей по матери — старшинством матери, старшинство снохи — возрастом сына ее мужа и т. д. Если в первом случае при наличии кровной связи возможно допускать известные групповые отношения полов, то во втором случае это допущение прямо немыслимо. В принципе обозначения родственников по старшинству у финских народностей мы видим одно — это стремление уточнить мои отношения к группе родственников, как-то: дядям, теткам, моим братьям и сестрам и т. д. относительно возраста того, кто является в центре каждой этой группы в патриархальной семье. Поэтому у вотяков относительно старшинства моего отца и называю я его старшую сестру араj, а младшую тетку относительно его же я называю badzum араj. У мордвы я называю свою сестру относительно старшую меня rat'aj и относительно себя же я называю младшую сестру sazog. У черемис относительно возраста своего сына свекровь называет свою сноху или jenga — если сын старше, или šešk'e, если он младше. Одним словом, в центре распределения родственников и их обозначения по старшинству стоят основные лица патриархально-родственной группы: дед, бабка, отец, мать, и я — лицо говорящее, по отношению к группе моих братьев и сестер; в отношении свойства — муж, жена. В этом отношении финские системы родства вполне последовательны, не имея в своих обозначениях термина для старшей дочери и младшей, для старшего сына и младшего. Взывать же на основе этого принципа к прошлым судьбам семьи безусловно неосновательно.

3. Отражением какой необходимости в современной патриархальной семье является третий принцип, который мы констатировали в нашем анализе не по всем, правда, народностям угро-финской группы — принцип специального обозначения родственников по матери. Каково их конкретное, реальное значение в современных родственных отношениях? По существу, если не подходить к терминам степени родства, как к возможности во что бы то ни стало проникнуть в тайны и глубины первобытных социальных отношений до истории, то смысл этих обозначений по матери будет понятен и из структуры современной семьи. Эти термины, как и другие, в современном своем бытении суть прежде всего формулы по своему логическому смыслу. Мы уже видели, как появляются самые родственники по матери в современную семью; они, так сказать, приходят в нее вместе с матерью из другой семьи и было бы странно сохранить по отношению к дядям, например, и теткам по матери те же обозначения, что к дядям и теткам по отцу. Тем более, что отношения к ним в современной семье реально иные.

4. Самым наглядным примером того, что термины родства по своему современному значению суть простые формулы у финских народностей, является тот указанный нами выше факт, что некоторые лица в финском родстве обозначаются через одинаковые термины. В связи с анализом свойства мы уже указали на то, что общие названия шурина и деверя, свояченицы и золовки лишь подчеркивают тот факт,

Таблица II.

Схема родства в современной патриархальной семье

что по существу отношения жены к родственникам мужа тождественны отношениям мужа к родственникам жены. Проследите групповые термины, по которым совпадают названия моих братьев и сестер, обозначения моих дядей и теток. Мы в анализе указывали, что эти совпадения идут по линии одинакового обозначения младших братьев и сестер, отца или матери и моих старших братьев и сестер. Если мы встанем теперь в степенях родства на точку зрения лица говоря-

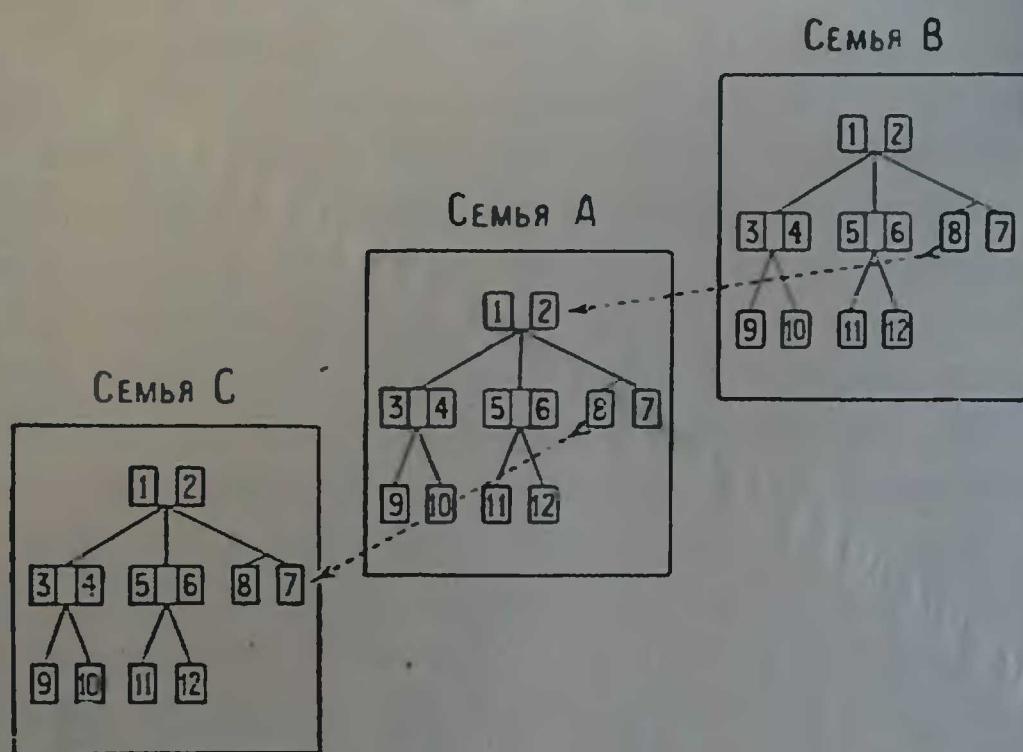

Табл. III.

щего, то окажется, что и по возрасту и по положению в семье, я могу к своим старшим братьям и сестрам относиться — только так же, как и к младшим братьям и сестрам своих родителей, т. е. мой возраст по отношению ко всей этой группе этикетно обязывает меня обращаться к ним тождественной формулой. Это то же самое, что ответил Ведда на вопрос — кто он такой: „Когда я был молод, меня звали так-то, теперь — так-то, состарюсь, будут звать так-то“.